

К счастью, всё обнаружили вовремя: дома нашлась бамбуковая жердь, которую изначально планировали использовать для стула, но он так и не был готов.

Для изготовления бамбуковых шпажек требовался топор, и Ши Вэй для этой работы не подходил. Ши Чанцай боялся, что тот поранит руку, поэтому поручил Дун Сюйюань нарезать ломтики редьки, а сам взял большой тесак и начал рубить.

У него получилось заготовить около трёхсот-четырёхсот тонких бамбуковых палочек одной длины, после чего он заострил их концы обычным кухонным ножом.

Ши Фан уже помыла редьку, так что задача зачистить заусенцы перешла к ней.

Поскольку всё делалось в спешке, вся семья легла спать поздно. Но даже несмотря на это, вставать рано всё равно приходилось.

Ши Вэй давно не спал так крепко. После смерти родных, особенно после ухода Цяньцянь, его сны были полны тьмы и безысходности. Сон был настолько глубоким, что даже собственные биологические часы не смогли его разбудить.

Глаза резко распахнулись. Яркий свет заставил их щуриться и слезиться, и только от этого ослепительного солнца Ши Вэй осознал, что на дворе уже давно полдень.

В доме стояла тишина, никого не было.

— Тук-тук-тук...

Сердце Ши Вэя забилось чаще. Если бы дом не был таким старым и разваливающимся, он бы начал сомневаться: не приснилось ли ему вчерашнее.

Но, к счастью, нога по-прежнему болела и чесалась. Эти чёткие ощущения заставили его с облегчением выдохнуть.

Ши Вэй прижал руку к учащённо бьющемуся сердцу и медленно сел. Он допил оставленную у кровати сладкую рисовую кашу и начал думать, что делать дальше.

Ши Чанцай с женой встали ещё засветло. Они хотели успеть срубить кочаны капусты, пока светло, и аккуратно сложить их в тележку.

Денег на покупку трёхколёсного велосипеда у них не было, но Ши Чанцай раньше помогал плотнику и немного разбирался в столярном деле, поэтому сделать тележку для него не было проблемой.

Их тележка была уже довольно ветхой, особенно деревянные колёса, которые приходилось менять несколько раз в год. Но это не требовало денег, лишь физических усилий Ши Чанцай. Поэтому эта трудоёмкая тележка благодаря своему главному преимуществу — бесплатности — так и не была выброшена.

Глиняные горшки возить было трудно, особенно учитывая, что дорога в город не была настоящей дорогой, а просто утоптанной тропой, где трава была вытоптана множеством ног. Дорога была ухабистой!

Если бы глиняные горшки поставили на эту тележку, они бы разбились при первой же кочке!

Ши Чанцай продавал не только овощи, но и деревянные миски, тарелки и горшки. Несмотря на

то, что они были деревянными, низкая цена обеспечивала им неплохой сбыт.

Дома скопилось много непроданных деревянных мисок. Три из них вымыли и использовали как ёмкости для редьки, сверху накрыв деревянной доской. Миски не были доверху наполнены, так что если тележку опрокидывалось, нужно было лишь сначала поднять миски, и содержимое не рассыпалось.

Здоровье Ши Фан было слабым. И хотя она была вполне самостоятельным ребёнком, родители ни на минуту не отпускали её от себя, заставляя каждые несколько минут садиться на тележку отдохнуть.

Дети на каникулах не просыпаются рано, так что рассчитывать на детскую торговлю в это время было бесполезно. Нельзя было показывать редьку и взрослым. Взрослые народ хваткий: купив овощи и увидев такие «дешёвые» мелочи, они непременно попросили бы добавить их в подарок, а не стали бы покупать.

— Фанфан, будь хорошей, погуляй поблизости, но далеко не уходи.

Хотя Ши Фан всегда была послушной, Дун Сюйюань не могла не напомнить ей об этом.

— Я знаю.

Ши Фан сначала помогла снять три миски с редькой и отставить их в сторону, а потом весело побежала играть.

Всё в городке казалось ей новым. Она бывала здесь часто, но кроме больницы, ни разу не посещала эти места.

Улица, где торговали овощами и мелочёвкой, не была официально отведена для торговли, просто все привыкли располагаться здесь. Места было много, народа — ещё больше, и царил здесь хаос. Ши Фан болела чаще других, и родители боялись, как бы кто-то не заразил её.

Ши Чанцай и Дун Сюйюань были опытными торговцами. Они ловко расстелили на земле плетёные мешки, выбрали самые чистые кочаны капусты и аккуратно разложили их, после чего сбрызнули водой. Покупателей пока не было, и супруги принялись вытирать грязь с кочанов, только что срубленных и лежавших в тележке.

Всё это Ши Вэй велел им сделать вечером перед сном. Они не понимали причины, но взять с собой лишнюю тряпку и воды не составляло труда, поэтому они послушались.

Ши Вэй был грамотным человеком, он знал больше, чем они.

— Капуста! Свежая капуста! Сегодня утром только срубили! Вкусная, свежая! Один цзинь за десять центов, дёшево, ни у кого!

Когда Ши Чанцай впервые закричал, ему было немного неловко, но мысли о плате за учёбу Ши Вэя и лекарствах для Ши Фан, а также бесконечное «деньги, деньги, деньги» заставили его забыть о стеснении.

Соседние торговцы с удивлением смотрели на кричащего мужчину.

Здесь-то кричать не запрещалось, но привыкли торговать молча, максимум — вступая в спор при торге. Таких, кто орет на всю округу, здесь ещё не было.

В общем, хоть в последние годы и стало потише, но страх перед прошлым сидел в памяти глубоко. Даже зарабатывая, все старались делать это тихонько. Желающих привлечь покупателей криком находилось много, но боялись все.

Ши Чанцай тоже поначалу нервничал, но крикнув несколько раз и не увидев, что его хватают, он постепенно осмелел и начал громко повторять ключевую фразу: «Один цзинь за десять центов».

Цена Ши Чанцай была обычной рыночной: не дешевле других, но и не дороже. Но он выкрикивал цену, и его голос разносился вокруг. Люди, услышав крик, инстинктивно оборачивались на его лоток — и видели порядок и чистоту!

Независимо от того, был ли у человека педантичность, вид аккуратно разложенных чистых вещей всегда вызывал приятные ощущения. На фоне других лотков, где овощи лежали в грязи и беспорядке, его чистый и опрятный лоток вызывал симпатию.

Более того, такая чистота давала выгоду не только психологическую, но и вполне реальную.

Листья капусты были чистыми и целыми, и покупателю как-то неловко было их обрывать.

Не думайте, что оборванные листья просто выбрасывали. Их не взвешивали, но покупатели привыкли просить их в качестве подарка. Это было негласным правилом: покупателю не нужно было просить, он просто брал листья, которые считались бесплатным дополнением, и забирал с собой.

Ши Чанцай попадались и такие «мастера», которые обрывали листья, не моргнув глазом, и кочан уменьшался в размерах вдвое!

Лишившись привычной бесплатной добавки, покупатели, хоть и с неохотой, просили Дун Сюйюань скинуть копейки с цены. Большинство людей стыдились в открытую обирать продавца на чистой капусте, так что даже если они молчали, скидку всё равно просили. Раньше приходилось и скидку делать, и листья отдавать, а теперь, когда листья оставались при продавце, прибыль сразу выросла.

Хотя с одного кочана лишней выигрыш составлял всего пару центов, но в это время кто не считал каждую копейку?

Сегодня капуста продавалась очень быстро. Обычно на это уходил целый день, но сегодня всё закончилось чуть больше чем за полдня. Даже когда остальные торговцы тоже начали кричать, Ши Чанцай за счёт аккуратности и чистоты продавал всё равно лучше.

— Фанфан! Фанфан! Ши Фан!

Ши Чанцай орал всё утро, и голос у него уже сел, поэтому звать девочку стала Дун Сюйюань. Она окликнула её, и через мгновение запыхавшаяся Ши Фан подбежала к ним. Она вся парила, высунув язык, а мокрые от пота волосы слиплись на лбу.

Ши Фан всегда была послушным ребёнком, но если выпадала возможность поиграть на воле, она веселилась от души. Ведь от природы она не была тихим ребёнком.

Ши Вэй брал на себя тяжёлую физическую работу, а готовка, уборка, сбор свиной травы и прочие хозяйственные заботы лежали на ней, так что усидчивости ей не хватало. Она была не просто активной, а весьма непоседливой.

<http://bllate.org/book/16388/1483762>